

Электронное правительство как реализация императивов демократизации и информатизации современного общества

А. А. Ефимов

Центр межрегионального бизнес-обучения (Москва)

Автор рассуждает о взаимосвязи информатизации и демократизации общества, которые, по его мнению, находятся в диалектической взаимозависимости, поскольку информатизация расширяет возможности государства служить свободе и своим гражданам, и общественной жизни. Наиболее полно и многогранно сущность информатизации и демократизации интегрирована в концепции открытого общества. Идея электронного правительства, рожденная императивами демократизации и информатизации, является одним из вариантов реализации их взаимосвязи в практике государственного управления.

Ключевые слова: информация; информатизация; информационное пространство; открытое общество; демократизация; электронное правительство.

Информация сегодня, безусловно, стала базисной детерминантой развития всех без исключения социальных сфер. Ученые пока далеки от примирения в своих подходах к ее определению. Ранние дефиниции информации относили ее к материальному миру и рассматривали в ряду фундаментальных свойств и качеств материи. В традиционной трактовке информация является *объективным свойством материального мира, существующим в бытии помимо воли сознающего субъекта, но при взаимодействии с ним получающим отражение в сознании человека и общества.*

Социальная значимость информации, весомость информационного компонента во всех процессах, протекающих в социальном мире, делает ее ключевой социальной категорией [1—8]. Ее значимость во всех сферах общественной жизни постоянно растет, причем настолько интенсивно, что само понятие «информация» многие ученые трактуют уже настолько широко, что вводят его в число философских универсалий. Показательны в этом отношении, например, идеи М. Маклюэна, в чьей научной теории пересматриваются процессы общественного развития, вся история человечества, а в основу новой авторской концепции положены представления о гипертрофированной роли информации в социальных изменениях [5, с. 47].

В социальном мире информация имеет преимущественно знаковую форму, поскольку в процессе общественной эволюции знак стал универсальным способом кодировки и обмена информацией между людьми. Плотность знаковой системы и информационного обмена делает человечество своего рода коллективным живым организмом, способным жить, функционировать и развиваться только при условии непрерывного получения новой информации извне и обмена ею внутри организма. Для коллективного субъекта информация является «социальным кислородом», отсутствие или недостаток которого в «кровеносной системе» может привести к изменениям, дисфункциям и даже гибели системы. В качестве коллективного организма человечество как развивало естественную среду и инструменты обмена информацией (язык и речь), так и совершенствовало искусственные информационные средства: от факелов и трещоток до современных сложнейших компьютеризованных систем обмена данными [9].

В начале XXI в. уже трудно однозначно установить, кто из ученых первым возвестил наступление эры информации. С одной стороны, предпосылки для исследований нового типа общества были созданы еще идеями В. И. Вернадского о становлении ноосферной цивилизации [10]. С другой — уже в во второй половине XX в. ученым не удавалось прийти к единым названию и дефиниции этой цивилизации через сущностные определяющие и атрибуты. У Э. Тоффлера она получила название «третьей волны» [8], у Д. Белла — «постиндустриального общества» [1], Дж. Гелбрейта — «нового индустриального общества» [2]. Благодаря исследованиям Д. Белла, П. Друкера, М. Кастельса, М. Маклюэна, Ё. Масуды, Э. Тоффлера, Ю. Хаяши и других видных ученых ([1—6; 8; 11; 12] и др.), теория информационного общества активно развивалась и дополнялась новыми идеями и концепциями. В научный оборот вошли такие понятия, как «информационная сфера», «информационное пространство» и «информатизация», став неотъемлемой частью методологии общественных наук: без них описание и научная трактовка современной нам социальной действительности невозможны. Более того, уже на заре XXI в. «информационное общество» стало не только явлением действительности и научной концепцией, но и признанной на уровне международного права юридической реальностью.

На Женевском этапе Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (2003 г.) были приняты Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» и так называемый Женевский план действий, нацеленные на определение мер построения глобального информационного общества. Представители народов мира, подписавшие Декларацию, в частности, заявили о намерении «построить ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя своему устойчивому развитию и повышая качество своей жизни...» [13].

На Тунисском ее этапе в 2005 г. была принята Тунисская программа для развития информационного общества, в которой признавались ряд проблем глобального масштаба в становлении и развитии всемирного информационного пространства и информационного социума как типа цивилизации, в первую очередь «цифровой разрыв» между развитыми и развивающимися обществами. Вместе с тем в ней подчеркивалась роль государств и правительств в обеспечении прав всех людей на доступ к информации и управляемую информатизацию. Таким образом, информационное общество — это не только научная, но и политическая и правовая реальность.

Понятия «информационная сфера» и «информационное пространство» пока не концептуализированы в науке в той мере, чтобы можно было говорить о существовании достаточно полной и непротиворечивой теории информационного общества. На наш взгляд, понятие информационной сферы следует применять, если есть методологическая необходимость разделить материальный и духовный аспекты информационной деятельности и обозначить степень освоения человеческим обществом информационных граней бытия. Иными словами, под информационной сферой можно понимать все виды и формы информации, которыми обладает человечество как единый субъект деятельности, все количество и качество информации, отраженное человеческим сознанием на протяжении всей истории нашей цивилизации.

Информационное пространство, на наш взгляд, следует рассматривать как определенную, объективно существующую грань социального пространства, используемую обществом для социальной коммуникации, координации и управления

социальными процессами. Базис информационного пространства составляет социальная информация, сущность которой в том, что ее содержание имеет социальную значимость, она весома хотя бы для одного социального субъекта. Соответственно, в отличие от части информации, «сопровождающей» материю вне зависимости от познавательных возможностей человека, социальная информация — это та, которая принадлежит человеку, имеет вес и составляет содержание информационного пространства. В этом отношении информационное пространство представляет собой грань социального бытия, образуемую социально значимой информацией и отношениями социальных субъектов по ее созданию, распространению и использованию. Оно, в том числе его политическая часть, в определенной мере независимо от соответствующей сферы социальной реальности. Политики, действуя согласно избранным ими целям, тем не менее не всегда и не в полной мере контролируют информацию, отражающую их деятельность в информационном пространстве [5; 6; 14]. Причем в ситуации информационного взрыва, когда каждое действие каждого социального субъекта, особенно публичного политика, с молниеносной скоростью отражается в миллионах битов информации (газетных и журнальных статьях, теле-тайпных лентах, радиопередачах, интернет-сообщениях), контроль над «своей» частью информационного пространства становится все более трудной задачей.

Информатизацию общества часто интерпретируют сквозь призму технократического подхода, в первую очередь, а подчас и исключительно акцентируя в этом процессе техногенные составляющие. Вместе с тем она теснейшим образом связана с иными социальными процессами глобального масштаба: глобализацией, культурной ассимиляцией, формированием и развитием постиндустриальной экономики, демократизацией. В широком смысле, и с нашей точки зрения, это понятие следует рассматривать именно так: информатизация являет собой новый, прежде всего в качественном отношении, этап развития когнитивно емких социальных процессов, систем и отношений на основе совершенствования информационных технологий; это «деятельный процесс все более полного овладения информацией как важнейшим ресурсом развития с помощью средств информатики с целью кардинального повышения интеллектуального уровня цивилизации и на этой основе — гуманистической перестройки всей жизнедеятельности человека» [9, с. 45—46]. Информатизация есть системное триединство следующих взаимосвязанных процессов: медиатизации — развития и уплотнения системы социальных коммуникаций (от лат. *mediatus* — выступающий посредником); компьютеризации — проникновения компьютерных технологий во все сферы социальной жизни; и интеллектуализации — развития личностных и социальных когнитивных возможностей и способностей, связанных, в первую очередь, с восприятием и переработкой социально значимой информации, с одной стороны, и с созданием новых сообщений, формированием и распространением новых знаний, с другой.

Узко технократическая трактовка информатизации не позволяет видеть тесную связь этого процесса с другими важнейшими социальными и политическими тенденциями. В частности, еще Тоффлер, идеолог информатизации-демократизации, в одной из своих программных работ — «Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века» — отмечал, что информатизация — не просто рост социальной значимости информации, это новый образ жизни цивилизации, конструирование нового по своей сути пространства бытия, пробуждающего к жизни и новые формы мышления. Так, в сфере власти, которая в широком смысле, как способность и возможность одного человека влиять на поведение другого, пронизывает абсолютно все сферы и уровни социальных отношений, проявляет себя во всех социальных структурах и институтах, происходят тотальные изменения.

И управление, и образование, и экономика, и культура подвержены трансформациям, связанным с информационным сдвигом власти. «Мы живем в момент, когда вся структура власти, скреплявшая мир, дезинтегрируется. Совершенно иная структура обретает форму. И это происходит на всех уровнях человеческого общества. <...> Это крушение старого стиля управления ускоряется также в деловой и повседневной жизни, когда дезинтегрируются глобальные структуры власти» [7, с. 23].

Подчас эти изменения носят поступательный характер, но чаще заявляют о себе экспоненциальные тенденции, если они детерминированы «информационным взрывом» или «компьютерным бумом». Нарастание темпов социальных изменений — один из основных признаков информационной цивилизации: как писал Тоффлер, «десять тысяч лет — сельское хозяйство. Одна-две тысячи — индустриализация. И вот прямо перед нами — постиндустриализм» [12, с. 15]. Главным ускорителем сдвигов в экономике, политике и культуре являются знания и информация. Вместе с тем одна из основных идей Тоффлера сопряжена не с фиксацией нарастания темпов изменений в области политики, а с их внутренней сущностью: по его мысли, знание превращается в важнейший источник власти и рычаг управления. Один из механизмов этих изменений связан с действием следующей закономерности: чем больше информации циркулирует в информационном пространстве, тем труднее простому гражданину, пребывающему в непрерывном стрессе от информационного взрыва и футурошока [12, с. 5], «отыскать» ту истинную, которая указывала бы на цели и мотивы принятия политических решений. Всё обилие знаний и информации подвергается систематизации, отбору, но самые важные с точки зрения целей управления могут быть присвоены отдельными лицами и институтами, чтобы, в свою очередь, послужить в качестве источника и ресурса осуществления власти. Соответственно, в условиях информатизации могут развиваться медиакратии, поскольку монополизация информации политическим классом грозит полным устранением граждан от процесса осуществления власти.

Вместе с тем сам Тоффлер отмечал наличие своего рода контрмеханизмов — противодействия медиакратизации общества, причем в теории они указывают на прямую связь между информатизацией и демократизацией. Так, в работе «Футурошок» он писал, что бюрократия и администрирование в их «классическом» варианте — это наследие индустриальной цивилизации, когда управляющие производством в сфере экономики и бюрократия в сфере политики были способны быстро (относительно темпов самих экономических изменений) принимать и проводить в жизнь решения, эффективные с точки зрения целей социального управления. Однако, по мысли Тоффлера, ни бюрократия, ни менеджмент не будут достаточно эффективны в информационную и постинформационную эпохи: их заменит специократия — «быстрая, насыщенная информацией, подвижная организация будущего» [12, с. 199]. Второй механизм раскрыт Тоффлером в работе [7]. Не только бюрократия, но и профессионалы в целом теряют рычаги контроля над всем объемом информации, циркулирующей в информационном пространстве; в результате происходит смещение власти от профессионалов и бюрократии к самоорганизующимся на основе гражданских инициатив сообществам, приходящим на смену старым бюрократическим схемам управления.

Таким образом, согласно теории, в рамках информатизации существует диалектическое двуединство следующих тенденций: с одной стороны, нарастание опасности монополизации власти со стороны бюрократии-номенклатуры и формирование медиакратических режимов правления; с другой — лишение бюрократии ее полномочий путем перераспределения власти над информационными ресурсами и установления контроля над большей частью социально значимой информации

со стороны новых гражданских властных структур. Соответственно, информатизация и демократизация общества находятся в диалектической взаимозависимости. Информатизация не оставляет возможности для формирования и тем более укрепления тоталитарных режимов. Более того, интеллектуализация приводит к становлению интеллектоемких гражданских структур управления. На наш взгляд, часть выводов Тоффлера несколько утопична — например, рано говорить о «следующей политической революции в технических обществах» — «головокружительном учреждении народной демократии» [12, с. 392]. Однако и государственные структуры, бюрократия, и новые гражданские институты приходят к пониманию: «Настало время драматического пересмотра направления перемен, пересмотра, осуществляемого не политиками или социологами, духовенством или революционной элитой, не техниками или президентами колледжей, но самим народом. Нам нужно, совершенно буквально, идти в народ с вопросом, который почти никогда не задавался людям: “Каким вы хотите видеть мир через 10, 20, 30 лет?” Нам нужно, короче говоря, постоянное обсуждение будущего» [12, с. 392].

Если теория помогает увидеть закономерную связь между информатизацией и демократизацией, то социальная эмпирия позволяет найти им весомое подтверждение. В частности, информатизация дает импульс следующим тенденциям:

- перераспределение власти в направлении роста функций и полномочий местного самоуправления;
- рост активности партий и общественных организаций во внутри- и внешнеполитических процессах;
- увеличение властных ресурсов и возможностей влияния на политические процессы института «четвертой власти» — СМИ;
- усиление политической активности граждан;
- рационализация, интеллектуализация политического поведения граждан;
- падение авторитета властных институтов при росте «спроса» на политическое самовыражение.

Социально-политический опыт показывает, что гарантированный законом и обеспеченный органами власти доступ граждан к информации и развитие информационной техники расширяют их возможности реализовать свои демократические права и свободы. Вместе с тем информатизация обязывает и вынуждает государство эффективно использовать и информацию, и информационные каналы в целях достижения социально-политического идеала, сформулированного просветителями как «общественное благо».

На наш взгляд, наиболее полно и многогранно сущность информатизации и демократизации интегрирована в концепции открытого общества. Настоящим ее идеологом и защитником является К. Поппер, сформулировавший свои основные идеи в произведении «Открытое общество и его враги». Эта работа неоднократно критиковалась, особенно в части свободной, даже вольной интерпретации философии и отдельных идей Платона [15] и Гегеля. Вместе с тем книга во многом предвосхитила дальнейшие научные изыскания, в которых демократия, демократизация тесно связывается с информатизацией и торжеством науки и знания. Попперу удалось убедительно доказать, что демократизация и информатизация в их двуединстве — это синонимы социального и политического прогресса. Один из основных выводов Поппера, суммирующий его анализ открытых и закрытых обществ и соответствующих им социально-политических доктрин, заключался в том, что ни одно общество не может существовать и быть закрытым длительное время. Если нет тенденций, свидетельствующих о том, что общество трансформируется в сторону демократии, оно неизбежно придет к экономическому и политическому упадку.

Для Поппера, как и для философов эпохи Просвещения, было важно уяснить смысл существования государства и сущность властных отношений в открытом обществе. По его мнению, которое мы разделяем, «государство должно служить человеку, оно должно существовать ради свободы своих граждан и свободы общественной жизни, то есть не общество должно служить государству, а государство — свободному обществу» (цит. по: [16, с. 92]).

Концепция электронного правительства, на наш взгляд, является одним из воплощений этой идеи, необходимость его диктуется императивами демократизации и информатизации. Электронное правительство также служит реализацией смены идеологии коллективизма на демократические принципы приоритетности индивидуального над коллективным и государственным, с точки зрения Поппера, непременно знаменующей переход от закрытого общества к открытому: «Закрытое общество и вместе с ним вера в то, что племя — это все, а индивид — ничто, разрушились. Индивидуальная инициатива и самоутверждение стали фактом. Возник интерес к человеческому индивидууму как к индивидууму, а не только как к племенному герою или спасителю» [17, т. 1, с. 236]. Сама концепция электронного правительства воплощает в себе идею полного и равного, причем непосредственного, доступа каждого гражданина к системе осуществления государственного управления в качестве пользователя, своего рода потенциально активного участника этого процесса. Кроме того, электронное правительство как феномен свидетельствует о трансформации системы государственного управления из замкнутой «вещи в себе» в доступную каждому гражданину индивидуализированную, почти персонифицированную возможность заглянуть «внутрь» этой вещи: понаблюдать за функционированием государственной власти и при необходимости убедиться в том, что общественное благо и права и свободы гражданина есть для нее приоритетные ценности и главные цели одновременно. Здесь важно, что каждый гражданин обретает право и возможность одновременно увидеть собственные нужды, потребности и инициативы в зеркале «государственной машины».

Поппер доказывает (хотя его идеи не бесспорны, в том числе в части аргументации, мы склонны их разделять), что коллективизм, функционирование государства в расчете на благо всей безликой массы, сродни тоталитаризму. Иными словами, если целью государства «не является ни счастье индивидуумов, ни счастье каково-нибудь отдельного класса в государстве, а только счастье целого», то это «есть не что иное, как результат того справедливого правления, которое <...> является по своему характеру тоталитарным» [17, т. 1, с. 213]. Информатизация же и электронное правительство стимулируют индивидуальную активность и ответственность, что, в свою очередь, оказывается двигателем информатизации. Даже электронное взаимодействие человека с государством не позволяет ему оставаться безучастным к своим проблемам, с одной стороны (и не ощущать собственного участия в их разрешении), и проблемам сограждан, с другой. Как доказывает Поппер, индивидуализм — ответственность — демократия — открытое общество представляют собой понятия одного парадигматического ряда.

Еще одна идея Поппера, в которой интегрируются понятия демократии, открытого общества и информатизации, — о необходимости обеспечения верховенства закона как императива демократии, а оно обеспечивается, в том числе посредством более прозрачной системы принятия и осуществления решений на всех уровнях власти.

Следующая мысль Поппера, на наш взгляд, нуждается в акцентуации с точки зрения рассматриваемой нами проблемы: ученый рассуждает об институциональной структуре демократического общества — о соотношении институционального

и субъективного компонентов в осуществлении власти. Он предлагает разделить их на уровне теории; соответственно, если продолжать рассуждения в этом направлении, мы придем к выводу, что демократические институты, усиленные информатизацией и открытым по отношению к гражданам способом функционирования, нуждаются не столько в критике, сколько в дальнейшем совершенствовании, в том числе со стороны «населяющих» их индивидов. Личность, реализующая власть в демократическом обществе, может не воплощать в себе демократических принципов и не защищать демократических ценностей, лидер может оказаться носителем деспотических и даже тиранических наклонностей, однако институты, усиленные прозрачностью и открытостью, — это институциональный оплот демократии. Как писал Поппер: «Организация институтов предполагает важные персональные решения, и, кроме того, функционирование даже лучших институтов (таких как институты демократического контроля и равновесия) всегда будет в значительной степени зависеть от занятых в них людей. Институты — как крепости: их надо хорошо спроектировать и заселить» [17, т. 1, с. 166—167].

В контексте этих рассуждений можно рассматривать электронное правительство (даже в несовершенном и незаконченном виде) как свидетельство и направление укрепления институциональной структуры демократического общества, а также разумную реакцию социума на требования и вызовы информатизации.

Таким образом, идея электронного правительства, возникшая в ответ на императивы демократизации и информатизации, представляет собой одну из реализаций в практике государственного управления их взаимосвязи, поскольку она воплощает в себе социально-политические концепты смены идеологии коллективизма на демократические принципы приоритетности индивидуального над коллективным и государственным; преобразования системы государственного управления из закрытой в прозрачную и индивидуализированную; создания актуального для информационного общества инструмента обеспечения верховенства закона как императива демократии (путем налаживания более прозрачной системы принятия и осуществления решений на всех уровнях власти), а также развития институциональной структуры демократического общества.

Литература

1. *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, Inc., 1973. 476 p.
2. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество: избранное. М.: Эксмо, 2008. 1200 с. (Антология экономической мысли).
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. *Лазарфельд П. Ф., Мертон Р.* Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие: Пер. с англ. // Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования / М. М. Назаров. М.: Аванти Плюс, 2004. С. 243—256.
5. *Маклюэн Г. М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Канон-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. 464 с.
6. *Рукетт М.-Л.* Познание масс: очерки политической психологии. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. 272 с.
7. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века / Пер. с англ. В. Белокоскова и др. М.: АСТ, 2001. 670 с. (Philosophy).
8. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. 784 с. (Philosophy).
9. *Урсул А. Д.* Информатизация общества: Введение в социальную информатику. М.: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1990. 192 с.
10. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера: Сб. цитат / [Сост. К. А. Степанов]. М.: Фонд имени В. И. Вернадского, 2008. 324 с.
11. *Бжезинский Зб.* Выбор. Мировое господство, или Глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004. 287 с.

12. **Тоффлер Э.** Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 461 с.
13. Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии»: Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R // Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]. 2003. 12 декабря. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=3550> (дата обращения: 18.05.2014).
14. **Хабермас Ю.** Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
15. **Глухов А. А.** Поппер и аналитический антиплатонизм (приложение) // Перехлест волны. Политическая логика Платона и постнищенское преодоление платонизма / А. А. Глухов. М.: Высшая школа экономики, 2014. С. 99—110.
16. **Ноттурно М.** Открытое общество и его враги: сообщество, авторитет и бюрократия: Пер. с англ. // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 90—104.
17. **Поппер К.** Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Культурная инициатива, 1992.
18. **Алексеева И. Ю.** Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. 1999. Вып. 1. С. 30—35.
19. **Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004. 400 с.
20. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с. (Philosophy).

Ефимов Андрей Александрович — руководитель отдела информационного обеспечения Центра межрегионального бизнес-обучения (Москва). E-mail: centrMBO@mail.ru